

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

20 августа исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося советского и российского философа Василия Васильевича Соколова (родился 15 августа 1919 – умер 25 марта 2017 г.). Исследователь и издатель западноевропейской философской классики, он известен своими трудами по истории философии, посвящёнными эпохе Средних веков, Возрождения и Нового времени. Обобщающим трудом выступила его фундаментальная работа «Философия как история философии» (2012 г.). Василий Васильевич оказал огромное влияние на становление и развитие отечественной философии. Редакция журнала публикует ниже статью одного из его многочисленных учеников, посвящённую памяти учителя.

УДК 1(091)

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-2-193-202

НАЧАЛО ФИЛОСОФИИ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ В РАБОТАХ В.В. СОКОЛОВА

THE BEGINNING OF PHILOSOPHY: UNDERSTANDING OF THE PROBLEM IN THE WORKS OF V.V. SOKOLOV

Г.В. Драч
G.V. Drach

Южный федеральный университет,
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: gvdrach@sfnu.ru

Аннотация

В.В. Соколов подчёркивал роль древневосточной науки в рождении философии, отмечал её первоначальный прикладной характер. В древнем Египте и Вавилонии философия в условиях низкой рефлексивности и неразвитого личного начала возникнуть не могла. В Древней Греции, с характерными для неё динамизмом общественной жизни и прогрессом индивидуально-личностного начала, сформировалось полисное мышление, в пространстве которого впервые появилась философия. Этические рефлексии и социальные аналогии позволяют перейти от теогонических версий к космогоническим построениям и от поисков генетического начала к обоснованию субстанциональных оснований мироздания, что и знаменует рождение и развитие философии.

Abstract

The author in the generalizing article devoted to V.V. Sokolov addresses a problem of the beginning of the philosophy, the most characteristic of the famous scientist. Emphasizing the role of drevnevostochny science in the philosophy birth, Sokolov noted its initial applied character. In ancient Egypt and Babylonia the philosophy in the conditions of low reflexivity and the undeveloped personal beginning could not arise. In Ancient Greece, with dynamisms of public life and progress of the individual and

personal beginning, characteristic of it, sheet thinking in which space the philosophy for the first time appears forms. Ethical reflections and social analogies allow to pass from the teogonicheskikh of versions to cosmogonic constructions and from search of the genetic beginning to justification the substantsionalnykh of the bases of the universe, as marks the birth and development of philosophy.

Ключевые слова: прикладная наука, мифология, эпическая поэзия, этическая рефлексия, этнос, цивилизация, полис, личность, философия, теория.

Key words: applied science, mythology, epic poetry, ethical reflection, ethnos, civilization, policy, personality, philosophy, theory.

Василий Васильевич Соколов – крупнейший историк философии международного уровня. Учитывая широту его научных интересов и огромную эрудицию, можно было бы говорить об особом, созданном им историко-философском универсуме, куда вошли исследования предфилософии Востока, философии Запада от её возникновения до XIX века включительно и его теоретико-методологические размышления [Соколов, 2012]. Отдельные материи философской мысли, входящие в этот универсум, – Античность, Средние века (включая арабо-мусульманский, а также еврейский мир), Новое время, Немецкая классика. Пожалуй, как никто другой, В.В. Соколов способствовал сохранению научности и теоретической значимости философии в советский, весьма непростой период истории отечественной философии. С именем Соколова связано сохранение её лучших традиций и в послесоветский период. Он оказал огромное влияние на развитие философии в Ростовском государственном университете, куда неоднократно приезжал для выступлений с лекциями и докладами и где он обрёл множество преданных учеников и друзей.

Проблема начала философии – одна из тех, к которой Василий Васильевич неоднократно обращался, не оставляя без внимания работы Ф.Х. Кессиди и А.Н. Чнышева [Чнышев, 1982; Кессиди, 2003], а также учёных Ростовской философской школы, прежде всего, М.К. Петрова, который связывал понимание истории философии с изучением Европейской научной традиции [Петров, 2004; 2017]. В.В. Соколов всегда учитывал научную составляющую историко-философского процесса и вопросы генезиса европейской науки, рассматриваемые в контексте истории философии, не были оставлены им без внимания. При этом он никогда не разграничивал культурное пространство древнего Запада и Востока. Между тем, вопрос о начале философии как события историко-культурного ряда приобретает особую важность именно в плане вынесения его за пределы европейского пространства и соотнесения европейской культуры с восточной. Хотя этому вопросу уделяли внимание давно, начиная с Э. Целлера, А. Гладша и Э. Рёта, особую актуальность он приобрёл в связи с современными коллизиями во взаимоотношениях Востока и Запада. В современных исследованиях поднимается проблема преодоления европоцентризма в понимании истории философии и науки. П.С. Жорова, анализируя взгляды М.Л. Уэста, В. Буркерта, М. Бернала, пишет: «Согласно М. Берналу, его собственная главная задача заключается в том, чтобы "ослабить культурное высокомерие европейцев"...» [Жорова, 2018, с. 19]. В.В. Соколов не только начинал рассмотрение проблемы начала философии с обращения к древнеегипетской и шумеро-вавилонской мифологии и предфилософии, но исходил, прежде всего, из того, что: «История Древней Греции и её культуры составляет неотъемлемую часть истории ближневосточных стран Средиземноморья» [Соколов, 1972, с. 5].

Другое дело, что вопрос о специфике региона доводился Соколовым до уровня проблемы цивилизационных особенностей. «Неравномерность развития этносов, определяемая географическими, климатическими и антропологическими факторами, формирует особенности создаваемых ими цивилизаций» [Соколов, 2012, с. 36]. Говоря о цивилизационных достижениях Ближнего Востока (ирригация, храмовое строительство, иероглифи-

ческая письменность, социально-правовые достижения, литература, архитектура, искусство) он не оставлял без внимания лежащее в их основе усложнение хозяйственной и административной деятельности, с которой, однако, не было связано появление философии. Позиция Василия Васильевича по этому вопросу всегда оставалась неизменной: «Следует признать упрощенной весьма распространенную точку зрения, приписывающую древнеегипетской и древнеавилонской культурам наличие в их составе и философской мысли. Подобные утверждения в значительной степени представляют собой результат отождествления научного знания, которое здесь действительно имело место, с философско-мировоззренческим, которое здесь лишь зарождалось» [Соколов, 1972, с. 10]. Кроме того, как сегодня становится очевидным, критикуемые Соколовым утверждения унифицировали цивилизационное развитие Востока и Запада.

Конечно, при при таком подходе невозможно было обойти вопрос о специфике социально-экономической структуры древневосточных государств, незначительной ещё роли торговли, денег и имущественного расслоения. Дело в том, и здесь Соколов прав, что это обстоятельство объясняется незначительным уровнем развития городской инфраструктуры и отделения ремесла от сельского хозяйства. Определяющим фактором в экономической и социальной жизни в странах Древнего Востока оставалась сельская община, составлявшая, и в этом понимании Соколов не одинок, основную производственную единицу ирригационного земледелия. С этим же связана специфика древневосточных государств, за которыми оставались функции организации ирригационных работ и социального единения. Итак, во многом речь может идти об общинной государственности, но это не «гражданская община» Фюстель-де-Куланжа [Фюстель-де-Куланж, 1895]. Первоначальная восточная община опиралась на племенные объединения, сохраняющиеся в условиях натурального хозяйства и неразвитости торговли. «Связующим началом» выступал деспот, облечённый священными полномочиями, а государство приобретало форму теократической монархии. Внеэкономическое принуждение и развитие рабства, с одной стороны, и мощный слой жречества, объединяющего идеологические и административные полномочия – с другой, дополняли друг друга. В эту картину Соколов вписал миф, науку, религию и зачатки личностного сознания и предфилософии.

Вопрос о «предфилософии» значительно уточняет классическую формулировку «от мифа к логосу». Мифология рассматривается Соколовым как «отражение природы и социального мира в сознании первобытного человека». Рождение древнегреческой философии Василий Васильевич рассматривает в контексте преодоления и вытеснения мифологического мировоззрения философским. Такой процесс, однако, не означает «самопроизвольного», понимаемого плоско эволюционистски, возникновения философии из мифа. Не в меньшей степени предшественницей эллинской философии была древнеегипетская и древнеавилонская наука. Вот здесь и приходится выбирать, что же было определяющим, – миф или наука? Дело в том, что и миф не оставался неизменным, «равным себе», и наука древнего Египта и Вавилонии была перемешана с магией и астрологией, имела прежде всего практическое применение и не обладала главным свойством теоретического знания – аподейктикой. Соколов считал возможным отметить здесь лишь зачатки доказательной, дедуктивно-теоретической математики. А.Н. Чанышев в этой связи использовал понятия «мифогенной» и «гносеогенной» концепций происхождения философии [Чанышев, 1982]. В.В. Соколов не отдавал предпочтения ни одной из них, хотя и не обходил их вниманием. Переход от мифологического (сохраняющего эмоционально-ассоциативное единение человека с природой) мировоззрения к философскому (основанному на рациональном мышлении) можно объяснить тем обстоятельством, что в социальном общении и человеческом самосознании неостребованными оказывались мифологические персонификации, и ми-

фологически-художественное сознание теряло свою монополию, уступая место логическому (антимифологическому) мировоззрению.

Соколов подчёркивает роль и значение Ближнего Востока в развитии Европейской цивилизации, поскольку именно там научные знания впервые в истории человеческого духа стали важнейшей частью культуры. Конечно, человечество в своей многовековой практике не обходилось без знания. «Но накопление эмпирического опыта в Шумере, Вавилонии и Египте, опыта, связанного с ведением довольно сложного ирригационного сельского хозяйства, интенсивной строительной деятельностью (прежде всего с возведением огромных храмов и грандиозных пирамид) и с удовлетворением многих других потребностей, привело к возникновению и развитию здесь некоторых наук» [Соколов, 1972, с. 9]. Конечно, эти науки (прежде всего астрономия и математика) носили прикладной характер, но Соколов подчёркивал их особо важную роль для развития человеческого мышления и всего дальнейшего прогресса культуры, и понятно почему. Взаимодействуя с философией, они позволяют революционизировать всю область теоретического мышления. Немаловажным фактором культурного развития было и появление в странах Ближнего Востока письменности и её дальнейшая трансформация.

Между тем, и в Египте, и в Вавилонии наиболее распространённым мировоззрением оставалось конкретно-мифологическое, с некоторыми изменениями пантеона богов, демонстрирующими иной раз монотеистические тенденции. Но не с ними Соколов связывал возникновение философии, хотя и выделял, например, из древнеегипетских мифообразов наиболее абстрактный, который можно, по его мнению, трактовать как предфилософский – образ богини Маат. Как и все крупные исследователи, он обращается к космогоническим мифам, в пространстве истолкования которых начинается рациональное мышление. Вчитываясь в «Теогонию» Гесиода, можно обнаружить её радикальные отличия от вавилонской космогонической поэмы «Энума Элиш». Земля с самого начала повествования рассматривается как «всеобщий приют безопасный», а Небо – «жилище богов всеблаженных». М.Л. Уэст видит в «Теогонии» Гесиода такой же панегирик верховному богу-правителю, как и в «Энума Элиш» [West, 1971]. Между тем, и Василий Васильевич это отмечал, теогония у Гесиода перерастала в космогонию. «Мир у Гесиода не сотворён и не может быть сотворённым. Он сам зародился. Вернее, зародились четыре космических основания – Хаос, Земля, Тартар, Эрос. От них зарождается мир... Сотворение мира не представляет собой результат победы богов-олимпийцев. Мардук же при помощи хитрости и силы завоевывает власть верховного божества. После этого, убив Тиамат (прародительницу богов), Мардук разрубает её тело на две части и сотворяет из них небесный свод и землю» [Драч, 2003, с. 78]. Не подлежат уничтожению, а превращаются в космические силы (стихии) у Гесиода и боги-прародители. Это относится не только к Хаосу, но и к Тартару, чье потомство представляет собой персонифицированные космические стихии.

И второй вопрос – развитие личностного сознания, без чего возникновение философии было бы невозможным. На этот вопрос В.В. Соколов обращает особое внимание. Первые философы предлагали собственные объяснения загадочным явлениям и создавали новые модели строения мира, что предполагало, как отмечает О. Гигон, развитие авторского самосознания [Gigon, 1968]. В этом смысле Гесиод, хотя и получает свои знания от Муз, сомневается в их правдивости, вкладывая в их уста слова о том, что они «многое могут выдать за правду». «Энума Элиш» же воспевают подвиги царя богов и остаётся панегириком власти верховного бога Мардука, не перерастая в космогонию. Соответственно, отсутствует и личностное (авторское) самосознание. «Энума Элиш» Соколов считает возможным называть «памятником перезрелой мифологии» [Соколов, 2012, с. 27].

Весьма важной в этой связи расценивается этическая компонента древнеегипетских и шумеро-вавилонских мифопоэтических повествований. «Беседа разочарованного со сво-

им духом», «Эпос о Гильгамеше» расцениваются не только как произведения эпико-мифологической, но и морализирующей мысли, что свидетельствует о значительных изменениях традиционного образно-мифологического мировоззрения. Однако речь может идти лишь об отдельных свидетельствах этической рефлексии, говорящих о «разочаровании в традиционных ценностях и о проблесках личностной рефлексии» [Соколов, 2012, с. 24]. Вполне обоснованы выводы Соколова о том, что «Шумеро-вавилонская и египетская культуры подобно всей древней ближневосточной духовной культуре так и не созрели для возникновения здесь философии как особой, специфической формы общественного сознания» [Соколов, 1972, с. 11]. Такая постановка вопроса не исключала роль науки в странах Древнего Востока, где её возникновение сопровождалось появлением особой социальной категории носителей интеллектуального начала, которой стали жрецы, не создавшие, однако, философии. Возникает вопрос о социокультурных факторах, которые определили эффективность индивидуально-личностного мышления, сделавшего возможным «рационалистическую трансформацию мифологии в философию».

Но вначале обратимся к весьма значимому для В.В. Соколова методологическому вопросу. Формула, позволяющая включить историю философии, науки, права и т.д. в единый процесс развития человечества – «субъект-объектные отношения». «На этом магистральном пути растёт грандиозный феномен цивилизации – и посредник между субъектом и природным объектом, и новый, все усложняющийся объект, субъект-объектная реальность» [Соколов, 2012, с. 4]. Хотелось бы поразмышлять о культуротворческой роли субъект-объектных отношений, о социальной солидарности и индивидуальном интеллекте, что обращает нас к работам Л. Леви-Брюля, М. Мосса, Ф. Корнфорда. В работах Соколова можно найти веские основания для этого. Важно в данном случае его замечание о том, что с развитием цивилизации «разрастается сфера духа самого человека и его культуры, множество компонентов и сторон которой можно, а в осмыслении историко-философского процесса и должно, трактовать в их контексте» [Соколов, 2012, с. 4]. Можно ли считать, что антропологическое ядро культурных взаимоотношений и цивилизационного своеобразия является определяющим, а признание цивилизационных особенностей, вытекающих из неравномерности развития этносов, определяемых, в свою очередь географическими, климатическими и историческими факторами (географическое положение греческих полисов между Востоком и Западом) и история их взаимоотношений дополняют друг друга и резюмируются в антропологическом типе?

В.В. Соколов считал возможным говорить о субъект-объектности и о человеке «до-разумном» уже в доцивилизационную эпоху человечества. «Когда мы говорим о мировоззрении, даже мифологическом, мы тем самым говорим о субъектно-объектных отношениях. Специфика этих отношений в ту многотысячелетнюю эпоху определялась тем, что субъектная сторона была минимальной, а объектная – максимальной. Эта специфика отражала и преимущественно приспособительные отношения первобытного человечества к природе, и абсолютную стихийность родо-племенной социальности. Отсюда крайняя смутность различения «я» и «не-я» в сознании человека данной эпохи. Тотемизм как важнейшая особенность первобытного сознания, в силу которой человек считал себя неотъемлемой частью животного мира, – одна из лучших иллюстраций этой зачаточной еще субъектности» [Соколов, 1972, с. 7–8]. По отношению к Древнему Востоку, как было отмечено выше, можно говорить лишь о «проблесках личностной рефлексии» и даже не о «предфилософии», а лишь о «перезрелой мифологии». «Нераздельность коллективного и индивидуального субъекта, их противоположность и взаимодействие – основная проблематика социальной и моральной философии от древности до наших дней. В этой противоположности решающая роль принадлежит коллективности. Онтологически, конечно, все-

гда на первом плане человеческий индивид, гносеологически же он не может быть понят без выявления закономерностей человеческой коллективности» [Соколов, 2012, с. 13].

Обратимся вслед за Соколовым в иной географический и социокультурный контекст, представленный греческими полисами. Существует устойчивая традиция связывать особенности греческой культуры с характеристикой небольших древнегреческих городов-государств (полисов). Но ведь полис сам нуждается в объяснении. Хотя каждый из городов имел глубокую, священную историю, насыщенную династическими противостояниями и борьбой, в этом ещё нет отличий от могучего восточного соседа. Колоссальный культурный импульс шёл с Востока, поскольку греки были его торговыми посредниками и партнёрами, наёмниками и завоевателями. Но они были и первопроходцами, основателями колоний и реформаторами собственной жизни. Деньги, богатство – это и посредник, и активатор внутреннего развития, катализатор социальных процессов.

Торговля, деньги усиливали роль частной собственности и развитие рабства – всё это во многом объясняет развитие городской жизни в условиях полиса и разрушение прежней социальной стратификации, борьбу демоса и аристократии. «Динамизм общественной жизни, весьма характерный для общественной жизни полисов, резко отличал её от застойности социальных порядков в Египте и Шумеро-Вавилонии, где классы скорее были кастами, а города, будучи больше административными и религиозно-культурными центрами, не играли той стимулирующей роли в экономической и духовной жизни, как это произошло в древнегреческих полисах» [Соколов, 2012, с. 42]. Динамизм общественной жизни во многом объясняется и постоянными военными столкновениями, такими индивидуализирующими началами в общественной жизни, как частная собственность, что и разлагало общинное сознание и порождало дух состязательности. Соревновательность, проявляющаяся в Олимпийских играх, усиливала агональное начало античной культуры. Агонистика пронизывала и другие стороны духовной культуры. Всего этого не могло быть в условиях восточных монархий.

У истоков греческой культуры находились Крит и Микены, чья культура еще не служила водоразделом между Древним Востоком и Западом. Более того, характерная для этой эпохи (II тысячелетие до н. э.) так называемая дворцовая культура сближала её с восточными прототипами: та же централизация хозяйственной, религиозной и военно-политической жизни, что и в культуре Египта, наличие жреческого сословия и мощной бюрократии, где ключевой выступает фигура писца и где пирамиду власти венчал царь-жрец. Преобладала хтоническая религиозность (религия земли и плодородия), хотя были известны имена греческих богов, позднее вошедших в семью олимпийцев. Большую роль, как было отмечено выше, Соколов отводил письменности. Крит и Микены имели письменность, дальнейшее развитие греческой цивилизации было связано с её трансформацией в слоговое письмо и возникшим на его основе писаным правом. Одним из конститутивных принципов полиса стали писанные законы, которые регулировали отношения граждан в различных сферах частной и общественной жизни, а также между свободными и рабами.

Расширяющееся пространство субъектности становится важнейшим фактором, объясняющим начало древнегреческой философии. Развитие полисной субъектности прослеживается Соколовым через призму этических рефлексий. Но при этом надо учитывать замечание Василия Васильевича о том, что философия отделяется от мифологии по мере формирования понятий, без которых был бы невозможен принцип рационального осмысления природного и социального мира. «Возникновение в древнем мире философии как особой формы общественного сознания, как специфической разновидности духовной деятельности людей стало возможным после того, как эта деятельность могла опираться на понятия, слагавшиеся на основе богатого производственного, социального и морального опыта древних греков» [Соколов, 1972, с. 25]. Первоначальные мифологические образы-

представления многозначны, расплывчаты, неопределённые, они характеризуются преобладанием эмоционально-ассоциативных связей, но и в этом случае Соколов считает возможным говорить о субъект-объектных отношениях. Мифологическое освоение мира осуществлялось путем проведения аналогии между социальной (преимущественно кровнородственной средой) и явлениями природы. «Важно подчеркнуть, что и подобное осмысление природы, и восприятие ближайшей человеческой среды происходило не в некоем неизменном, всегда себе равном сознании первобытного человека, а в сознании изменяющемся, хотя и очень медленно» [Соколов, 1972, с. 7]. И если эти изменения накапливались в истории восточной культуры очень медленно, в полисе они приобретали взрывной характер. История мифологии отражает не только изменение отношений человека к природе и форм его коллективного существования. Она отражает и прогрессивные изменения самого сознания «разумного человека», его мышления, в эмоциональном содержании которого постепенно накапливались понятийно-логические элементы. В полисном сознании резюмируются итоги культурного развития греков.

Естественно, что процесс рационализации мировоззрения опирался и на те научные знания, которые, будучи наследием Востока, оказались для греков наиболее значимыми. В.В. Соколов, характеризуя становление философии, отмечал связь этого процесса с «собственно научной мыслью». «Естественно, что процесс рационализации мировоззрения, приведший к появлению философии, в которой понятийные элементы постепенно брали верх над образами и представлениями, опирался и на те научные знания, которые Фалес, а затем и многие другие древнегреческие философы, учёные и мудрецы черпали у древних египтян, вавилонян и других народов Ближнего Востока» [Соколов, 1972, с. 26]. Но математические и астрономические знания приобрели у них другую форму и значение. Особая роль стала принадлежать личностному знанию и этическим рефлексиям, мудрости профессиональной и мудрости гражданской (морально-политической).

Этические рефлексии открывают целый материк изменившихся культурных мотиваций, принадлежащих другим антропологическим типам – творцам иного цивилизационного мира. Здесь уместно привести следующее положение В.В. Соколова, раскрывающее смысл свершившегося: «Предметом первых философских размышлений, естественно, становились не только явления природы, окружающая человека, но и мир самого человека и в его отношениях с другими людьми и в его индивидуальном существовании. Отсюда понятно, что этико-социальная и этико-психологическая мысль неотделима от философии уже при самом ее возникновении» [Соколов, 1969, с. 13]. Этические рефлексии и социальные аналогии характеризуют развивающееся полисное мышление и проявляются в переходе от явлений полисного характера к человеческой субъектности (Дике, Гюбрис, Номос, Логос, Арете и т.д.). Невозможно не отметить роль и значение социально-правовых аналогий, которые говорят о полисном характере этических рефлексий и личностного сознания.

Социальные аналогии характеризуют основания, нормы общественной жизни, в соответствии с которыми должен был строиться индивидуальный выбор. Здесь необходимо учесть важнейшую формулировку В.В. Соколова: «Микрокосмос и макрокосмос как принципы трансформации мифологического мировоззрения в философское и выражение их субъект-объектной связи» [Соколов, 2012, с. 64]. Понимание человека как микрокосмоса становится важнейшим элементом философского самосознания. Логика слова – инструмент человеческого мышления – микрокосм, и как таковая она использовалась в публичной сфере, расширяя пространство понятийного мышления. Соколов специально подчёркивал значение употребления «великого слова логос». Ж.-П. Вернан говорил в этой связи о «полной десаκραлизации политической жизни», произведённой греками, и «цивилизации публичного слова» [Вернан, 1988, с. 75]. Сама гражданская сфера полиса была очерчена Аристотелем в его определении гражданина как полноправного участника суда и

управления государством (Политика, III, 1275а, 6-39). Учет личностного фактора при рассмотрении гражданской жизни позволяет говорить о совершенно ином уровне субъектности и личностного сознания, которого достигли греки в своём общественном развитии. «Отсюда следует и часто отмечаемое исследователями употребление социальных аналогий в античной философии и тот метод выявления внутренних оснований социальной активности человека с целью их использования при характеристике мира-космоса, который можно назвать методом социальной интроспекции» [Драч, 2018, с. 150]. Социальное и личностное самосознание становятся основанием философии. А.В. Сёмушкин в этой связи отмечал: «Философия зарождается как особый род критической рефлексии (самосознания), преодолевающий доисторический религиозно-мифологический комплекс» [Сёмушкин, 2009, с. 385].

Конечно, понятийное содержание философии было связано с ориентацией её на опыт и научное знание с использованием аналитических методов. Но не с них начиналась философия. «Тот же метод антропо-социальной аналогии применяется и при истолковании закономерности, господствующей в природе» [Соколов, 1972, с. 32]. В натурфилософско-космологических построениях его применение во многом объясняет переход от мифологической антропоморфности к рассмотрению фундаментальных феноменов природы. Космогония перерастает в космологию и онтологию (физику). Если учитывать тематику первых философских учений (космогония, космология, основная философия), то можно заметить, что преднаука Востока и этические рефлексии Запада в них соединяются, что и обеспечивает целостность первых философских учений. Обоснование предельных оснований бытия опиралось на этико-социальную рефлексии (на уровне социоморфных аналогий), что подразумевало выбор и рассмотрение определенной этико-социальной проблемы. Сам метод аналогии, поскольку для него характерным является перенесение социальных характеристик на природные процессы, свидетельствует о генетической преемственности философии и мифологии, но философия исходит уже из «иноного человека – всё более осознающего свою индивидуальность, становящегося личностью, и из иноного общества – принципиально изменившегося по сравнению с родо-племенным» [Соколов, 1972, с. 31]. С данным обстоятельством связывается и переход к проблеме субстанции, свидетельствующей о трансформации теогонических версий в космогонические и переходе от мифа к логосу.

Первооткрывателем мудрости (философии) становится полноправный член полиса, осознавший себя личностью, а содержание аналогий – принципиально иным по сравнению с мифом. Перенесение черт социальной жизни на природу не могло быть, как это было в мифологическом мышлении, бессознательным. Обращение к социальным явлениям полнее требовало обобщающей мысли. Ведь, если чувственно-образное освоение природы происходило уже не в некоем неизменном сознании первобытного человека, то в философском сознании изменения должны были накапливаться еще быстрее. Эти изменения были связаны с использованием реальных знаний (в области арифметики, геометрии, астрономии, музыки, медицины и т. д.), увеличением роли логической аргументации и развитием полисных практик, многообразия общественной жизни, опирающихся на небывалый для стран Средиземноморья интерес к интеллектуальным занятиям (мудрости).

Философ, разъясняющий человеку окружающий мир и в силу этого проникнутый убеждением в изначальной соотнесенности, открытости этого мира его разуму, дает нам картину реализации законов природы, законов космического универсума и не может обойтись без научной конкретики. В соответствии с воззрениями греческой философии законы этой жизни, – сведенные до социального уровня законы космоса, космический порядок на полисном и индивидуальном уровне. Тем самым философия становится той формой, в которой обосновывается жизнь «по-природе», в соответствии с законами при-

роды. Это было открытием греков, которые стали первооткрывателями разума, но преклонялись, как дети, перед величественным и древним Востоком. Данный факт можно считать и точкой отсчёта и культурного размежевания между Востоком, для которого политическое состояние и политический статус устойчивы (естественная данность), и Западом, отличающимся динамизмом общественной жизни и расширением интеллектуальной сферы в жизни индивида и общества. Возможность «эпохального скачка» в развитии интеллектуальной культуры Запада, как считал В.В. Соколов, содержалась в первоначальных научных знаниях Востока, а характерный для европейской науки сущностный дедуктивно-теоретический слой можно рассматривать лишь как надстраивающийся над ними. Напрашивается ещё один вывод: философия, созданная греками, действительно, необычайно талантливым небольшим народом, была интеллектуальным событием, выходящим далеко за пределы греческого города-государства и результирующим цивилизационное развитие культур Ближнего Востока и Средиземноморья.

Список литературы References

1. Вернан Ж.-П. 1988. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогрес, 224 с.
Vernan Zh. -P. 1988. Proiskhozhdeniye drevnegrecheskoy mysli [The Origin of ancient Greek Thought]. М.: Progres, 224 p. (in Russian)
2. Драч Г.В. 2003. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 318 с.
Drach G.V. 2003. Rozhdeniye antichnoy filosofii i nachalo antropologicheskoy problematiki [The Birth of ancient Philosophy and the Beginning of anthropological Problems]. М.: Gardariki, 318 p. (in Russian)
3. Драч Г.В. 2018. История одного доклада. Вопросы философии, № 5, с. 145–156.
Drach G.V. 2018. Istoriya odnogo doklada [The History of one of the Report]. Voprosy Filosofii, No. 5, p. 145–156. (in Russian)
4. Жорова П.С. 2018. Ближневосточные теоретические источники раннегреческой философской мысли в западноевропейской историографии рубежа XX – XXI веков. Автореферат дисс. к. ф. н., М.: РУДН, 31 с.
Zhorova P.S. 2018. Blizhnevostochnyye teoreticheskiye istochniki rannegrecheskoy filosofskoy mysli v zapadnoyevropeyskoy istoriografii rubezha XX – XXI vekov [Middle Eastern theoretical Sources of early Greek philosophical Thought in Western European Historiography of the Turn of XX - XXI Centuries]. Author's abstract Diss-II K. F. n., М.: RUDN, 31 p. (in Russian)
5. Кессиди Ф.Х. 2003. От мифа к логосу. Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 360 с.
Cessidy F.H. 2003. Ot mifa k logosu. Stanovleniye grecheskoy filosofii [From Myth to Logos. Formation of Greek Philosophy]. SPb.: Alethea, 360 p. (in Russian)
6. Петров М.К. 2004. История европейской культурной традиции и её проблемы. М.: РОССПЭН, 776 с.
Petrov M.K. 2004. Istoriya yevropeyskoy kul'turnoy traditsii i yeyo problemy [History of European cultural Tradition and its Problems]. М.: ROSSPEN, 776 p. (in Russian)
7. Петров М.К. 2017. История институтов науки. Опыт изложения институциональной истории науки на материале англо-американской научной традиции. Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ, 404 с.
Petrov M.K. 2017. Istoriya institutov nauki. Opyt izlozheniya institutsional'noy istorii nauki na materiale anglo-amerikanskoy nauchnoy traditsii [The History of the Institutions of science. Experience in the Presentation of the institutional History of Science on the Material of the Anglo-American scientific Tradition]. Rostov-on-don: Ed. SFU, 404 p. (in Russian)
8. Сёмушкин А.В. 2009. Историко-философская эссеистика. Античная философия. Избранные сочинения. Т. II, М.: РУДН, 629 с.

- Semushkin A.V. 2009. Istoriko-filosofskaya esseistika [Historical and philosophical Essays]. Antichnaya filosofiya. Izbrannyye sochineniya. Vol. II, M.: RUDN, 629 p. (in Russian)
9. Соколов В.В. 2012. Философия как история философии. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 845 с.
- Sokolov V.V. 2012. Filosofiya kak istoriya filosofii [Philosophy as history of Philosophy]. M.: Akademicheskiy Proyeckt; Fond «Mir», 845 p. (in Russian)
10. Соколов В.В. 1972. Исторические условия формирования античной философии и диалектики // История античной диалектики. М.: «Мысль», 335 с.
- Sokolov V.V. 1972. Istoricheskiye usloviya formirovaniya antichnoy filosofii i dialektiki [Historical Conditions of Formation of Ancient Philosophy and Dialectics] // Istoriya antichnoy dialektiki. M.: «Mysl'», 335 p. (in Russian)
11. Соколов В.В. 1969. Философия Древности и Средневековья. // Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М.: «Мысль», 576 с.
- Sokolov V.V. 1969. Filosofiya Drevnosti i Srednevekov'ya [Philosophy of Antiquity and the middle Ages] // Antologiya mirovoy filosofii. T. 1. CH. 1. M.: «Mysl'», 576 p. (in Russian)
12. Фюстель-де-Куланж. 1895. Древняя гражданская община. М., 374 с.
- Fyustel'-de-Kulanzh. 1895. Drevnyaya grazhdanskaya obshchina [Ancient civil Society]. M., 374 s. (in Russian)
13. Чанышев А.Н. 1982. Начало философии. М.: Изд. МГУ, 183 с.
- Chanyshhev A.N. 1982. Nachalo filosofii [The Beginning of Philosophy]. M.: Publ. MGU, 183 p. (in Russian)
14. Gigon O. 1968. Der Ursprung der griechischen Philosophie. Basel–Stuttgart, 295 p.
15. West M.L. 1971. Early Greek philosophy and the Orient. Oxford, 256 p.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Драч Г.В. 2019. Начало философии: Осмысление проблемы в работах В.В. Соколова. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (2): 193–202. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-193-202

Drach G.V. 2019. The beginning of philosophy: understanding of the problem in the works of V.V. Sokolov. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Lawseries. 44 (2): 193–202 (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-2-193-202